

Майя Ракита

**Дневники
приемной матери**

**ребенка
из детского дома**

Личный опыт

Майя Ракита

**Дневники приемной матери
ребенка из детского дома**

«Интермедиатор»

2017

УДК 376.1-058.865+82-94
ББК 74. 200+84-4

Ракита М.

Дневники приемной матери ребенка из детского дома /
М. Ракита — «Интермедиатор», 2017 — (Личный опыт)

ISBN 978-5-98563-513-3

Эта книга уникальна: шаг за шагом в ней отражается непростой процесс «отогревания» ребенка, попавшего из детского дома в приемную семью, процесс взаимной адаптации, полный радости и горечи. Автор — профессиональный психолог, поэтому она хорошо видит причины эмоциональных срывов, фантазий, агрессии ребенка, проблем с границами, общением и учебной. И, выделяя составляющие каждой проблемы, выбирает конкретные пути ее решения. Но при этом остается прежде всего любящей, принимающей, тонко чувствующей и сопереживающей мамой непростого ребенка. Одна из частей целиком посвящена решению школьных проблем и профессиональному самоопределению. Книга будет полезна всем родителям, вне зависимости от того, приемный или родной ребенок растет в семье, и интересна всем остальным читателям. 4-е издание (электронное)

УДК 376.1-058.865+82-94
ББК 74. 200+84-4

ISBN 978-5-98563-513-3

© Ракита М., 2017
© Интермедиатор, 2017

Содержание

Предисловие	6
Дневники приемной матери ребенка из детского дома	7
Часть 1	7
Страхи из прошлого	7
Время	11
Страхи настоящего	17
Возрастной регресс	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Майя Ракита

Дневники приемной матери ребенка из детского дома

© Издательство «Генезис», 2017

© Ракита М., 2017

4-е издание (электронное)

* * *

«Каждый взрослый нутром понимает, что жизнь в детском доме – не сахар. Но ни один взрослый даже представить себе не может, насколько она горька, пока лично не столкнется лицом к лицу с ребенком из детского дома. Только беззаветное, огромное желание стать приемными родителями такого ребенка позволит вам не захлебнуться в этой горечи...»

Автор книги – приемная мама и профессиональный психолог. Она понимает причины состояний ребенка, его эмоциональных срывов, агрессии, трудностей с учебой. Она ищет пути решения проблем, при этом оставаясь прежде всего любящей, принимающей и сопереживающей мамой.

Для того чтобы двигаться вперед, необходимо сначала заглянуть в прошлое и, опираясь на ресурсы ребенка, проработать проблемы, которые тянутся из его раннего детства. Лишь потом, на воссозданной основе, можно строить что-то новое. Конечно, не все получается так, как хотелось бы. Время от времени происходят срывы и возвраты к прежнему. Но мы видим живых людей с реальными проблемами и реальными чувствами.

Примеры преодоления проблем, как личностных, так и учебных, делают книгу полезной для родителей, вне зависимости от того, приемный или родной ребенок растет в семье, а трогательная история о том, как выстраивается совместная жизнь мамы и дочери – интересной для всех читателей.

Предисловие

«Сироту пристроить – что храм построить». Пословица, если вдуматься, очень емкая. Она говорит и о значимости этого шага. И о том, что немногие способны на него. И о том, сколько сил, мужества и самоотдачи требуется. Взять в дом чужого ребенка, разделить с ним кров и пищу – это один из немногих поступков, которые вызывали уважение в любой стране и в любое время. Вне истории и вне национальности.

Как любить чужого «плохого» мальчика или девочку? А ведь с точки зрения общества они – те самые «плохие» брошенные дети. Как в воспитательном порыве не возненавидеть его сопротивление?

Книга об этом и не только. Автор обладает свойственной немногим людям способностью требовательной любви. И меня, как непосредственного наблюдателя и участника всего процесса, неизменно поражало это качество моей подруги. Ее умение выставлять жесткие требования и добиваться их выполнения, сохраняя при этом доброжелательность и нежность в отношениях. Об этом в книге написано мало, но, я надеюсь, каждый прочтет это между строк. Потому что именно такая любовь делает жизнь девочки настоящей семейной жизнью.

Ольга Игнатова

Дневники приемной матери ребенка из детского дома

Посвящается моей дочери

Часть 1 Обоюдоострое начало

Я намеренно не буду называть имя дочери.
Я не уверена в том, что имею на это право.
Поэтому здесь, в этой книге, она будет
моей доченькой, дочкой, дочерью, дочуркой, дочей.

Каждый взрослый нутром понимает, что жизнь в детском доме – не сахар. Но ни один взрослый даже представить себе не может, насколько она горька, пока лично не столкнется лицом к лицу с ребенком из детского дома. Только огромное, беззаветное желание стать приемными родителями такого ребенка позволит вам не захлебнуться в этой горечи, а честно и открыто разделить ее на части. И относиться к каждой части как к целой жизни!

Возможно, моя идея разделить горечь на части напомнила вам известную притчу про слона. В этой притче каждый слепой схватился за какую-то часть слона и сделал вывод о том, кто такой слон и как он выглядит. Так вот, вы будете вынуждены стать слепым, вам придется по частям восстанавливать картину прошлого вашего ребенка, о котором ничего не скажут ни документы, ни воспитатели, ни директор, ни он сам. Вам придется на время ослепнуть, чтобы не думать, что вы видите и знаете эти проблемные части вашего ребенка. Потому что вы не знаете ни одной части горечи, испытанной им до детского дома, в детском доме и какое-то время после. Это очень важное понимание. Вам действительно необходимо понять, что вы ухватились за то, о чем не имеете представления. И на ощупь, медленно, вы будете открывать вместе с ребенком эти части. В этом и состоит начало. Начало жизни с ребенком из детского дома.

Страхи из прошлого

Злая копия ребенка посредине пустоты...
Павел Кашин

Придуманное прошлое

У каждой части прошлого есть свой страх. Во-первых, страх внутри самого ребенка. Во-вторых, страх вокруг ребенка. Когда ребенок живет в детском доме, он не только чувствует себя преданным, брошенным, глубоко обиженным своими родными. Ребенок пытается забыть плохое, сделать вид, что в его жизни «ничего такого» не было. Но чем больше и упорнее ребенок стремится забыть своих маму и папу, тем глубже проникают в его душу обида и злость.

Запомните: страхи никуда не деваются. Они притупляются на время. Они затаиваются в уголках, тесня надежду на нормальную жизнь. Потому что жизнь в детском доме в принципе нельзя назвать нормальной ни для одного ребенка. Потому что в детском доме ребенку напоминают о его брошенности другие, такие же брошенные дети. Напомнят жестоко, вымещая соб-

ственные обиды, пытаюсь забыть и делаю другим больно точно так же, как делали больно им самим. Детский дом порочен по своей сути. Потому что ни в одном, даже в самом радостном детском доме дети не могут забыть свои страхи, не могут не причинять друг другу вред: им приходится страдать самим и заставлять страдать других. Прошлое держит и будет держать в страхе всех детей детского дома, потому что его нельзя просто забыть. Даже со временем.

*Доченька моя врет
Не задумываясь, но
Как задумает,
Истинная правда жизни
На вымысел похожа!*

Моя дочь только на третий месяц нашей совместной жизни смогла начать вспоминать свое прошлое. В первые месяцы она себе его придумывала. Доченька всей душой желала иметь хорошее прошлое, но могла его только выдумать. Я старалась ей не мешать, но и не поощряла выдумки. Я не знала, правдивы ли ее рассказы, но чувствовала, что сейчас вранье нужно ей не меньше, чем рыбе вода.

Ребенок не может жить без знания о том, что с ним произошло. Моя дочь знала, что у девочки ее возраста, одиннадцати с половиной лет, могли быть, например, воспоминания о катании на роликах. Дочь взахлеб рассказывала, как они с подружкой катались на роликах и как она научилась делать разные трюки не только на роликах, но и на скейтборде. Простого вопроса о технике катания было бы достаточно, чтобы понять, что это голая неправда. Я слушала байки из якобы ее прошлой жизни, и единственное, что мне приходило в голову, так это то, что дочь хочет мне показать, какая она хорошая и способная девочка. Потому что все ее завиральные истории, в сущности, воссоздавали опыт нормального ребенка, который хочет похвалить себя. И дочь черпала в них уверенность для своей настоящей жизни, облагораживая свое прошлое.

Иногда из этого получались смешные казусы. Однажды по дороге из моего офиса домой я рассказала дочери историю, которая случилась со мной в детстве. С нами была моя подруга, и она вспомнила, что с ней произошел подобный случай. На следующий же день, когда мы шли из школы домой, моя дочурка как ни в чем не бывало рассказала мне историю, которая, по ее представлениям, произошла с ней прошлой зимой. Ее слова оказались точным повтором моей вчерашней истории, но с добавлением того, что рассказала моя подруга. Потом мы вместе с дочкой смеялись и даже подтрунивали над тем, как ловко она пересказывает мои истории, да еще умудряется присвоить себе воспоминания моей подруги. Тогда я была уверена в том, что моя доченька прекрасно понимает, над чем мы смеемся. Но я также понимала и то, что рассказывая мне «свой» эпизод из «своего» прошлого, она совершенно искренне верила, что это действительно произошло именно с ней. Дочка верила, что эта история является именно ее воспоминанием, а не тем, что она услышала вчера вечером от меня. Мне было не жаль своих воспоминаний из детства для дочери. Если бы я могла, то отдала бы ей столько своих историй, сколько нужно, чтобы заполнить ее душевную пустоту. Но я точно знала, что моими воспоминаниями дочка увлеклась лишь на какое-то время, потому что страхи прошлого давали о себе знать почти каждый день. Они были рядом. И они влияли на настроение, на сон, на поведение. Это придуманное прошлое было островком «нормальности» или «хорошести». Но оно не было ее прошлым. Оно было уже нашим настоящим.

Через какое-то время я стала настаивать на том, чтобы моя дочь научилась различать то, что она придумывает, и то, что с ней действительно произошло в *нашем* настоящем. Единственное, чего я хотела добиться, – так это того, чтобы дочь понимала, что у нее есть собственное настоящее! Мне было важно убедить свою дочку в том, что это настоящее происходит именно с ней, а не с выдуманной девочкой. И что я – это я. И что наше настоящее происходит

также со мной, ее приемной мамой, а не с кем-то еще. Я уделяла этому внимание постоянно. Все наши с ней километры пути в школу и из школы, в магазин и из магазина, все наши прогулки и посиделки были посвящены осознанию нашего общего настоящего.

Мы с другом стоим на кухне. Первый день, как мы с дочкой вместе.

Друг говорит мне:

– Надеюсь, ты понимаешь, что она тебя не сможет называть мамой.

Моя дочь распахивает дверь, врывается на кухню и кричит:

– Мама, мама! Смотри, что я нарисовала!

Воспоминания о нашем прошлом

Конечно, в нашем настоящем были общие воспоминания, которые касались жизни после детского дома. Как-то раз моя дочь сказала за ужином, что она решила, что я стану ее мамой, в первый же день нашего знакомства. Меня это удивило. Это было неожиданно, поскольку наша жизнь складывалась очень сложно.

Когда мои друзья спрашивали меня, как я выбирала себе ребенка в детском доме, я пыталась объяснить им, что «выбирать себе детей» в принципе невозможно. Когда ты заходишь в детский дом, на тебя наваливается орава малышни, тебя тянут за руки, за одежду... Двадцать пар рук не дают шагу ступить. И еще двадцать пар глазенок смотрят на тебя с такой надеждой, что ты забываешь обо всем на свете и уже не можешь сдержать рыданий. Все твои чувства обостряются настолько, что тихим голосом произнесенный каким-то малышом прямой вопрос: «А вы будете моей мамой?» – превращается в крик твоей собственной души. И ненависть ко всему человечеству подступает так близко к сердцу, что приходится срочно бежать в какой-нибудь уголок, тайком смахивать слезы и приводить себя в порядок. Сбежать в этот момент, поддаться слабости можно. В этом нет ничего постыдного. Но вернуться – сложнее во сто крат! Хотя и это осуществимо. Непостижимо само наличие и увеличение количества детских домов, этого не понять ни умом профессионального психолога, ни сердцем женщины. Что касается меня, то я приехала за конкретным ребенком, вместе с которым провела Новый год у моих друзей, а взяла ту девочку, которую мне дали. Взяла без сопротивления и в соответствии с законом жизни: дают – бери!

Так вот. Доченька очень подробно вспомнила тот день, когда я впервые взяла ее с собой из детского дома. Поскольку детский дом находился не в моем, а в другом городе, я жила у своих друзей и могла пригласить свою будущую дочь только к ним, предварительно получив их согласие. Дочка вспомнила, как мы рисовали, как болтали, как смотрели все вместе «Мадагаскар-2», как делали винегрет, а вечером взбивали молочный коктейль с бананами, как рассматривали все вместе фотографии моего родного города, города, в который нам предстояло через какое-то (никто не знал, какое) время уехать и там жить. Дочь вспомнила и о том, как я укладывала ее спать, читала сказку на ночь. В тот момент, когда мы легли, касаясь друг друга, моя дочь подумала, что я стану ее мамой. Она так и сказала мне за ужином по прошествии более трех месяцев, что это она меня выбрала.

Потеряла крестик

Доченька в дороге.

Снег же все не тает —

Держится за крестик.

Сыщется ли прошлое?

Мосты прошлого сожжены

И пусть до приезда в мой город у нас был еще месяц, она не переставая думала обо мне. А я – о ней. Я бегала с документами по инстанциям. А она выдержала разговор с родной мамой. Рыдала ночами.

Моя будущая дочка наотрез отказалась брать с собой какие-либо фотографии из прошлой жизни. Она сожгла все мосты и уехала со мной в незнакомый город, к незнакомым людям. Моя дочь пошла в незнакомую школу и стала преодолевать незнакомые ей трудности. Это не значит, что она перестала рыдать. Не значит, что она перестала отказываться. Не значит, что перестала бояться. Это не значит, что она перестала хотеть забыть свое прошлое, и особенно свою маму, навсегда! Это значит, что она осмелилась начать жить со мной. И нам предстояло построить в нашей жизни новые мосты. Старые мосты были сожжены, чтобы мы могли уехать. И теперь нам нужны были другие, чтобы остаться.

В моем случае за три месяца настоящее было осознано и принято – ценой невероятных душевных и профессиональных усилий не только с моей стороны, но и со стороны моей дочери. В конце третьего месяца у нее появилось первое воспоминание из собственной, реальной прошлой жизни. Конечно, были моменты до этого, когда она пыталась мне что-то рассказать. В ее памяти всплывали воспоминания, но попытки рассказать о них превращались в стоны и захлебывание слезами. Слезы катились градом, и дочь не могла произнести ни одного слова. Она выдавливала из себя какие-то непонятные звуки, и мне приходилось ее долго успокаивать.

Не мой, но очень важный случай

Среди моего окружения только одни дальние знакомые решились взять маленького ребенка из детского дома. Мальчик лет трех-четырёх без конца спрашивал своих приемных родителей: «Мама, как же ты могла оставить меня в детском доме?»

Мама была растеряна. Она-то не оставляла этого малыша, а наоборот – взяла его из детского дома.

– Папа, как же ты мог оставить меня в детском доме?

Папа тоже ничего не понял. В первый раз. Но на второй, третий раз приемные родители повинились перед этим мальчиком и попросили прощения. Мама просила простить ее за то, что она оставила своего маленького мальчика в детском доме. Папа умолял простить его за то, что он позволил случиться тому, что его любимый сыночек попал в детский дом.

– Бабушка, как ты могла оставить меня в детском доме? Бабушка, как ты могла разрешить моей маме бросить меня?

И бабушка просила прощения за то, что позволила своей дочери бросить любимого внука в детском доме.

– Дедушка, как ты мог оставить меня в детском доме, почему ты меня не забрал оттуда?

И дедушка тоже просил его простить за то, что он не забрал своего любимого внука из детского дома раньше.

Вопросы маленького мальчика были обращены к его новым родителям, которые ни в чем перед ним не виноваты. Но им пришлось взять на себя всю вину и ответственность кровных родителей, которые бросили своего маленького сынишку, отказались его воспитывать. Приемные родители просили простить их. Конечно, мальчик их простил. Дети хотят все и всех простить. Им просто нужно в этом помочь. Например, взяв вину на себя.

*Тяжеск груз вины,
И мало знать о боли.*

*Сердце нервно рвется.
Доченька, как тебе забыть
Жасмина чудный запах?*

Время

Наши слабые места

Обычно люди воспринимают разговоры о времени как некую банальность и обыденность. Во многом такое восприятие оправдано привычностью повседневной жизни. Как правило, осознанное отношение ко времени появляется либо с возрастом, поскольку смерть не за горами, либо вследствие потрясения, несчастья. Не зря же народная мудрость гласит: «Счастливые часов не наблюдают». Ценить каждый час своей жизни – задача непомерно сложная еще и потому, что этот час автоматически наполняется заботами, делами и хлопотами. Лишь те ситуации, которые выбивают взрослого человека из автоматического состояния, заставляют его задуматься и о времени, и о смысле проведенного времени, т. е. о смысле самой жизни.

Совсем другое восприятие времени возникает у взрослого человека, в жизни которого появляется ребенок. И не просто сын или дочь подруги, а ребенок, который каждую секунду, каждый час находится рядом. Поверьте, эта ситуация заставляет задуматься: как и чем наполнить жизнь ребенка.

Моей дочке было одиннадцать лет, когда под Новый год мы приехали ко мне домой и стали жить вместе. Она практически не умела читать. Раньше, учась в обычной школе, она была в привилегированном положении ребенка из детского дома: приходила ко второму, иногда к третьему уроку, не выполняла домашних заданий – и ей все сходило с рук. Заветные тройки были обеспечены. А какие еще могли быть оценки у ученицы четвертого класса, которая не могла толком прочесть даже условие задачи? Но если о школе у моей дочки имелись хоть какие-то представления, то понятия о домашнем образе жизни не было вообще. Поэтому во время зимних каникул я, как слепая, ухватилась за дом. И мы стали его обживать.

*Множество мышек
В нашем доме: слепленных,
Резных, бисерных —
Ждут часа своего.
Да репка медленно растет!*

За несколько первых дней нашей жизни мы купили необходимые вещи моей доченьке. Стояла зима, шел снег, а мы, подставляя лица опускающимся снежинкам, ходили от магазина к магазину. Доченька моя притомилась, а я была шокирована ценами на детские вещи и тем, как много всего было необходимо купить. Кроме того, выяснилось, что дочку укачивает в маршрутках. Поэтому мы садились и ехали до того момента, пока тошнота не подступала к горлу. Тогда мы выходили и искали нужные вещи там, куда успевали доехать.

Все эти походы за одеждой и обувью выявили наши слабые стороны. Слабость моей дочки была в том, что раньше она никогда не решала сама, что ей носить. Ее никогда не спрашивали о том, что ей нужно. Она никогда не делала самостоятельный выбор относительно одежды или обуви.

Личных вещей в детском доме у нее не было, и носила она только то, что ей давали.

Моя слабость оказалась в том, что я понятия не имела ни о детских размерах, ни о детских материальных потребностях. От надежды на то, что дочь сама начнет выбирать вещи в свои одиннадцать лет, пришлось отказаться сразу же. Дочка смотрела обреченным взглядом, крепко держала меня за руку и ни при каких обстоятельствах не желала оставаться одна. Мои уговоры присесть на диванчик и снять дырявые сапоги, пока я ей буду выбирать для примерки ту или иную пару обуви, не действовали. Дочь крепко вцепилась в меня и ни за что не соглашалась разжать руки.

Продавщицы тоже мало чем помогали. Им были совершенно безразличны наши с дочкой затруднения. Моя просьба принести нам зимние сапоги такого-то размера была выполнена лишь единожды. Никто не собирался облегчать нам жизнь. Мы, держась за руки, ходили по магазину. Я выбирала пару сапог, затем мы шли, не разнимая рук, к диванчику, присаживались, дочка при мне снимала свои сапоги и надевала новые. Если сапоги не подходили, она надевала старые, и мы, все так же держась за руки, шли искать другую пару сапог, и все повторялось с начала. С горем пополам, не разлучаясь ни на секунду, мы оказались обуты и одеты.

Зимние фотографии

Все наши походы и прогулки на зимних каникулах сильнее всего истощали меня физически. Я буквально носила на себе свою дочь. Спустя много месяцев я, просматривая фотографии с наших прогулок и поездок, заметила, что ни на одной из зимних фотографий моя дочь не стоит самостоятельно. Вот она висит на мне, вот она буквально налегла на сына моего друга, а вот она ухватилась сзади и почти всем своим весом пригнула к земле мою подругу. И я тогда подумала, насколько же брошенным детям тяжело стоять на земле своими ногами. Поверьте, эта «висячность» не есть детское стремление повозиться, поваляться, побеситься с другими детьми или взрослыми. Конечно, моя доченька постоянно заигрывала, дралась, толкалась, убегала и прибегала. Она была постоянно в движении. Но постоять спокойно и самостоятельно одну минуту, чтобы сфотографироваться, была для нее задача непосильная – ни физически, ни психологически.

В первые месяцы я осознанно позволяла своей дочурке висеть на мне. Себя я успокаивала мыслями о нелегкой роли матери, которой приходится носить своих детей на руках с младенчества. Считается, что ребенок растет благодаря энергии матери, и это действительно так. Только материнская сила способна поставить ребенка на ноги в прямом и в переносном смысле. И когда возникает ситуация, что ребенок лишается своих родителей, то он, в первую очередь, лишается именно родительской силы, родительской защиты, родительской энергии. И я знаю, что детский дом, какой бы замечательный он ни был, никогда не поставит на ноги своих воспитанников. По одной очень простой причине, мудрой и житейской, – никто не будет делиться своей энергией, брать каждого брошенного ребенка под «свое крыло». А энергии детдомовскому ребенку нужно во сто крат больше, чем ребенку, находящемуся под родительской защитой. Ведь ребенку из детского дома нужна энергия и для того, чтобы справиться со своими прошлыми ужасами, и для того, чтобы встать на ноги.

*Солнечная пылинка
Обманом веса не имеет.
А как вдохнешь, так
Грузом ляжет. Придавит —
То, что я сказать хотела.*

Домашний образ жизни

Не проходило и дня, чтобы я не вспоминала свой разговор с воспитателем детского дома. Мы сидели на очередном празднике детского дома. На сцене пели и плясали детишки. И в этой атмосфере случился такой диалог.

– *Возьмите эту девочку, она вам будет мыть полы. Она хорошо их моет.*

– ???

– *Она умеет мыть полы, вы не думайте...*

– *Мне нужна дочка, а полы я и сама могу помыть!*

– *Зачем же самой?*

Насколько моя дочка казалась испуганной и растерянной во внешнем мире, настолько же она оказалась наглой, агрессивной и беспардонной дома, в нашей квартире. Если в магазине она крепко держала меня за руку и была как бы приклеена ко мне, то дома она устраивала жуткие погромы. Вот такие разговоры у нас бывали достаточно часто.

– *Да. Разбросать свои вещи в разные стороны ты смогла. А теперь давай все приведем в порядок и сложим на свои места.*

– *Еще чего!*

– *Доча, но это же твои вещи?*

– *Вот ты и убирай!*

– *Я занимаюсь своими домашними делами, а у тебя есть свои.*

– *Я тут не уборщица, я убирать ничего не буду!*

– *Так что, ты собираешься жить в таком беспорядке?*

– *Нет, ты будешь убирать у меня в комнате!*

Вы теперь понимаете, почему не проходило и дня, когда бы я не вспомнила фразу воспитательницы из детского дома: «Возьмите эту девочку, она вам будет мыть полы»? Прошло больше года, а моя доченька только один раз действительно мыла полы. И прошли миллионы минут в разговорах о том, что такое свой дом, своя комната, свои вещи, свои домашние дела, прежде чем моя дочурка что-то сделала по дому.

Оно и понятно. Представьте себе детей, которым прислуживают специально нанятые государством взрослые люди. Государство наняло поварих, чтобы они готовили, кормили и мыли за детьми посуду. Государство наняло уборщиц, чтобы они мыли, подметали, стирали и все прочее. Государство наняло воспитателей, чтобы они будили детей, одевали, водили в школу, приводили обратно в детский дом, делали с ними уроки и все прочее. С чего это у детдомовских детей такие слуги? Этот вопрос без конца мучил меня. Я понимала всю несостоятельность и язвительность этого риторического вопроса, но волей-неволей он возникал с новой силой.

Когда состоятельная семья на свои заработанные или вовремя украденные деньги строит большой дом, нанимает прислугу, поваров, садовников, гувернеров – это нормально. Дети знают, что эти люди работают на них и получают за это деньги. А деньги зарабатывают родители. Здесь нет никакого порока. Все работают. Каждый зарабатывает на жизнь как может. Как говорится, кто на что учился. А что понимают дети из детского дома, к каким мыслям привыкают они? Согласитесь, к хорошему люди привыкают быстро. Но это хорошее они создают своими силами. А детдомовским детям еще даже не представилось случая сделать что-то хорошее своими силами, но они уже привыкли к полному обслуживанию. И это порочно!

В детском доме нанятые государством люди выполняют свои функциональные обязанности и этим ограничиваются. У них-то есть свой дом, свои родные, свои вещи, домашние хлоп-

поты. Их никто не лишал свободы готовить обед своему мужу, мыть полы у себя дома. Может быть, домашние хлопоты им неприятны. Возможно даже, что они без удовольствия убирают свой дом. Главное, что у них изначально есть право это делать! А у детей в детском доме такого права априори нет! И все разговоры о том, что дети в детском доме помогают уборщицам мыть полы, глупы и кощунственны по своей природе, так как у детей нет никакого желания помогать уборщицам зарабатывать положенную зарплату. И если они это делают, то делают из весьма неблагородных мотивов.

Посуду моя дочь впервые помыла на третьем месяце нашей совместной жизни. Борьба за чистоту и домашний порядок оказалась настоящей битвой без врага. Я хорошо понимала, что нужно ввести правила и следовать им неукоснительно. Мне понадобилась вся моя устойчивость, чтобы не потянуться за валяющейся кофточкой и не положить ее в красивый зеркальный шкаф дочери, предварительно свернув. Для меня было бы легко и почти естественно сделать это. И уж тем более не лень. Дело в том, что мне нужно было воспитать в доченьке, во-первых, позитивное отношение к своей комнате, во-вторых, ответственное отношение к своим вещам, а в-третьих – способность самостоятельно принимать решения. Конечно, воспитание – слишком объемный процесс. Но, вспомнив притчу о слепых, я решила вначале сконцентрироваться на порядке в комнате и еде.

Порядок в комнате

Я установила правило, которое гласило: «Если вещь валяется на полу, значит, она не нужна и ее можно выбросить!» У моей дочери после похода по магазинам сложилось твердое убеждение, что мои слова не расходятся с поступками. Уж если я что сказала, то можно быть абсолютно уверенным в том, что я так и сделаю. Дочь на своем опыте убедилась в моей устойчивости к ее «хочу-купишкам». А хотела она всякой ерунды вроде той, которая лежит на полках у кассы любого крупного универсама. Если она ныла, я внимательно смотрела ей в глаза и спрашивала: «Сколько времени у тебя эта игрушка продержится?». Дочь отвечала: «Все время, я ее буду беречь!». Я покупала эту игрушку, напоминая правило. И как только на следующий день я обнаруживала именно эту, якобы дорогую ее сердцу игрушку валяющейся на полу, я демонстративно поднимала ее с пола и выбрасывала в мусорное ведро. Моя дочь злилась, рыдала, но я была непреклонна. Правило нарушено. Если вещь дорога, то ее надо беречь и у нее должно быть свое место! Так мало-помалу доченька воспитывала в себе бережливость и ответственность. Она стала более аккуратна и внимательна к своим любимым игрушкам и вещам (хотя бы в первое время). Конечно, потом новизна исчезала, и вместе с ней исчезало бережное отношение. На остальное пока не хватало ни рук, ни внимания. Я ей помогала и устраивала совместные уборки.

В вопросах, связанных с уборкой, мы долго не находили общего языка. «Еще чего!» – так и слетало с языка моей дочери. Автоматически! Я понимала, что автоматическую реакцию преодолеть сложнее, чем можно было бы ожидать. Поэтому терпеливо вместе с ней сначала наводила порядок в ее комнате, потом начинала убирать свою комнату, кухню и коридор. Очень скоро такая стратегия дала хорошие результаты: дочь заинтересовалась пылесосом. Ее в принципе привлекали устройства и приборчики. Долго они не жили, но жажду нового утоляли. Например, фонарики покупались раз в две недели. Она их собирала-разбирала, брала на ночь в кровать и под одеялом играла с ними или просто лежала и светила в потолок, на стены комнаты. Ритуал засыпания с фонарем продержался долго и сыграл позитивную роль в нашей жизни. На покупку фонарей я не скупилась, так как они были частью необходимого ритуала. Все остальные «хочу», не представлявшие ценности для нашей жизни, я полностью игнорировала.

Так вот, моя дочь заинтересовалась пылесосом. И я стала поручать ей уборку сначала только ее комнаты, а затем и всей квартиры. Ковер в моей комнате отличался от ковра в комнате дочери структурой ворса, и пылесосить его было труднее. Я показала и рассказала, как удобнее пылесосить мой ковер, и дочка больше не испытывала трудностей с уборкой всей квартиры. Очень скоро нам понадобился новый пылесос. Сила, с которой дочь жала на трубки, расплющила их, и по ним пошли трещины. Но зато наша квартира была чистая. Новый пылесос понравился моей дочурке. И теперь она без проблем пылесосит. Но полы не моет. Их по-прежнему мою я.

И еще одного мы не достигли из того, чего мне бы очень хотелось, – инициативы в домашнем хозяйстве. Да, моя дочь без проблем пропылесосит квартиру. Но только после того, как я ей скажу или напишу об этом. И никак иначе. Ей не придет в голову мысль о том, что пора бы заняться уборкой. Пока инициативных мыслей в голове моей дочурки не водится.

Геометрическое правило

Через год и три месяца я смогла ввести еще одно правило. Поскольку в то время моя дочь начала делать успехи в геометрии, я назвала его «геометрией действия». У дочки, видимо, от природы было неплохо развито зрительно-пространственное воображение. А я еще и поддерживала развитие способностей дочурки в этом направлении. Так вот, как-то раз после ужина объявила, что сейчас мы займемся изучением очень ценного геометрического правила, которое в школе вряд ли будут преподавать. Я попросила свою дочь принести на кухню фломастеры и большой лист белой бумаги. Мы сели рядом, и я разделила лист линией на две половины. Одну половину я назвала «Беспорядок». Другую, соответственно, «Порядок».

– Дочь, смотри, сейчас я открою тебе тайну беспорядка, – сказала я.

– Мама, а где геометрия?

– Смотри на рисунок, и она появится, ты ее узнаешь в линиях, – убежденно ответила я. И моя дочь стала завороченно наблюдать за моим рисованием. Я нарисовала кружок, приделала к нему туловище в виде овала и нарисовала ручки и ножки тоже овалами.

– Это ты, – намекнула я. – Ты пришла из школы и переодеваешься. Вот ты снимаешь школьные брюки, – я нарисовала аккуратные брючки рядом со схемой человечка. – Смотри, вот ты бросаешь их здесь, – я нарисовала диван под брюками, – а они должны висеть на стуле.

Чуть ниже я нарисовала стул с высокой спинкой в проекции 45 градусов.

– Да, стул хорошо получился, правда? – спросила я свою дочь.

– Мама, а при чем тут беспорядок?!

– Вот! Ты и спросила о главном. Мы к нему подошли вплотную. Смотри, что будет дальше. Итак, ты бросила свои брюки, например, на диване. И подумала, что повесишь их на стул потом, а сейчас тебе захотелось... например, порисовать. Ты переходишь к своему столу и начинаешь доставать карандаши, фломастеры, альбом. Ты придумала, что именно будешь рисовать, и рисуешь.

Я нарисовала перемещения человечка по комнате стрелочками. Добавила рисунок письменного стола, на котором появилось много предметов для рисования.

– Ты за столом. Прихожу я, и что я вижу?

– Что я рисую?

– Да, сначала я вижу, что ты сидишь за столом и рисуешь. А потом я вижу состояние комнаты. Одно дело – разбросано то, что необходимо тебе сейчас. Разбросанные фломастеры и карандаши, валяющиеся на полу энциклопедию рисования и листы из альбома я могу гордо назвать «творческим беспорядком». Но валяющуюся на полу рубашку и лежащие на диване брюки и колготки я могу уверенно назвать самым обычным беспорядком. А теперь появится геометрия беспорядка. Смотри внимательно!

Я рисую такого же человечка.

– Это я, ты уже это поняла. Для того чтобы свои школьные брюки повесить на стул, ты идешь к дивану. – Стрелочкой я указываю передвижение первого человечка от письменного стола к дивану и помечаю это действие номером 1.

– Дальше ты берешь свои брюки и идешь их вешать на стул, где они и должны были находиться, – я рисую стрелочку от дивана к стулу и маркирую ее номером 2, – затем ты возвращаешься к своему рисованию. – Я рисую стрелочку и ставлю номер 3 рядом с ней. – Это *суета* – следствие беспорядка.

Я крупными буквами красным фломастером пишу слова «Суета» и «Потом».

– Я надеюсь, ты понимаешь, как эти слова связаны между собой: мысль о том, что ты потом уберешь свою одежду, порождает суету, которую я и изобразила стрелочками. А еще бывает и так: ты остаешься на месте рисования, а я иду к твоим брюкам, – я рисую передвижение второго человечка, то есть себя, и помечаю эту стрелочку номером 1, – вместо тебя беру брюки с дивана и иду вешать их на стул. – Это свое перемещение я отмечаю стрелочкой под номером 2. – Конечно, я стараюсь, чтобы ты сама следила за своими вещами, но иногда мне приходится убирать их по местам за тебя, а это в один прием не получается, как показывает наш рисунок. Но самое главное, что всей этой бесполезной и занудной суеты могло не быть, если бы ты знала геометрическое правило порядка и следовала ему.

Я перешла к рисованию на второй половине листа.

– Начнем все с начала: доченька моя приходит из школы домой. – Я рисую опять ту же смешную рожицу с ножками и ручками в виде палочек, овалов и кружочков.

Дочь очень довольна моим рисованием. Ей нравятся схематичные человечки.

– Ты, как обычно, сразу начинаешь переодеваться: снимаешь брюки и идешь к стулу, чтобы их повесить. – Я рисую стул, на котором висят брюки, и отмечаю это действие стрелочкой под номером 1. – Дальше ты хочешь порисовать, садишься за стол и рисуешь. А твоя комната – в полном порядке. И когда я к тебе прихожу, ничего не омрачает моего взора. Я вижу только хорошее – моя дочь рисует!

– Здорово! А ты мне обещала рассказать о секрете?

– Да, теперь, когда есть рисунки «Порядка» и «Беспорядка» и ты можешь видеть, чем они отличаются друг от друга, я могу открыть тебе секрет порядка. Секрет заключается в девизе: «Никаких промежуточных действий: все сразу и сейчас!». – Я крупными буквами пишу на стороне «Порядка» слова «Сразу» и «Сейчас». – Секрет прост, как одно действие, но очень качественное и результативное. Ты, конечно же, можешь создавать суету большим количеством действий, у которых только один результат. Лично я предпочитаю получать один результат за одно действие. И так происходит в любом деле. Не только в поддержании порядка в собственной комнате. Давай повесим этот лист с рисунками на стенку в твоей комнате. Пусть он будет у тебя перед глазами и напоминает тебе о том, что ты знаешь секрет порядка и можешь ему следовать!

Первое время я постоянно обращала внимание своей дочери на промежуточные действия. Иногда мы вместе с ней их устранили. Иногда я наказывала дочь, вытряхивая все содержимое ящика на пол и заставляя более внимательно и аккуратно все упаковывать и раскладывать вещи сразу по своим местам. Порой мне все-таки приходилось выбрасывать игрушки и вещи. Но гораздо реже, чем это было вначале. К сожалению, инициативы в том, чтобы что-либо убрать на место, нет до сих пор. Но отношение моей дочери к своей комнате и своим вещам можно уверенно назвать приемлемым.

Страхи настоящего

Мечты

Каждый ребенок, живущий в детском доме, мечтает о жизни в семье. Дети мечтают о маме, о папе, о том, как они будут вместе жить и радоваться этой новой жизни. Я думаю, что многие разговоры, которые дети ведут в детском доме, так или иначе крутятся вокруг их будущей прекрасной жизни с мамой и папой. И, как и любые другие, их мечты полны радужных надежд.

Но не только. Их мечты также полны и жутких страхов. Потому что все неизвестное является устрашающим. И мечты о будущей жизни извращаются детьми, чему способствуют условия жизни в детском доме. Если бы каждый из этих детей мечтал о своей маме в одиночку, наверное, он не смог бы придумать столько страхов. Но вот группа девочек и мальчиков это вполне может. Безусловно, «помогает» и преданный друг детей – телевизор. И мечтания о будущей прекрасной жизни затеняются всеми известными миру извращениями, всем самым страшным, что в принципе могут делать взрослые люди с детьми: бить, насиловать, продавать, убивать, заставляя мыть и убирать, морить голодом и т. п. Поверьте, этот список не так уж и мал.

Если на одном полюсе мечты о новой жизни с родителями «живут» страхи и извращения, то на другом полюсе этой мечты о будущей прекрасной жизни с новыми мамами и папами «живет» не что иное, как вождление богатой, беззаботной, я бы даже сказала, потребительской жизни. Дети в разговорах о сытой и богатой жизни проводят никак не меньше времени, чем в разговорах об ужасах, которые могут случиться с ними в предстоящей жизни с их новыми мамами и папами. И, безусловно, рейтинг душещипательных бесед о страхах и прелестях значительно превышает рейтинг бесед об успехах в школе. Разве могут мечтания о будущей жизни сравниться с корпением над книгой или выполнением домашних заданий?

А теперь представьте: ребенок из детского дома с багажом мечтаний о беззаботной жизни и копилкой всех известных ему ужасов действительно оказывается с новой мамой в незнакомом городе. Как я уже писала, порой страхи из прошлой «плохой» жизни меркнут перед страхами настоящей. Что может случиться с детдомовским ребенком в приемной семье? Вы видели, как избивали бедного мальчика в каком-то там селе какой-то там области? А как с нашими детьми обращаются в Америке? А сколько детей погибло от рук извращенцев в Италии? Эти вопросы волнуют общественность. Потому что они дают пищу благородному гневу и повышают рейтинг нечеловеческих телевизионных шоу. Но почему никто не задумывается над тем, зачем и кому вообще нужны детские дома? И зачем столько горя вокруг при неуклонном повышении материального уровня жизни? И что с этим делать?..

Страшны не страхи, страшны провокации

Мне тоже было страшно за наше настоящее. Потому что моя дочь постоянно провоцировала меня на агрессию. Она делала все возможное для того, чтобы я ее побила. А я делала буквально невозможное для того, чтобы вовремя остановиться и не поддаться на провокацию. Так мы и жили первый год – в жутком напряге. На улице дочь на мне висела и с помощью моей энергии познавала новый мир нового для себя города, новой школы. А дома, наедине со взрослой женщиной, то есть мной, она чувствовала себя маленькой и беззащитной и воспроизводила все накопленные страхи, десятки раз обговоренные в детском доме, постоянно проецируя их на настоящее.

Жизнь идет по плану, и все ходы записаны

В первый же день, как только мы оказались с дочкой дома, она построила у себя в комнате подобие пьедестала из диванных подушек. Восседавая на этой конструкции (когда я ее увидела, мне почему-то сразу вспомнилась первая встреча Евгения Леонова со своими сокамерниками в «Джентльменах удачи»), моя дочь представила почти предвыборную депутатскую программу нашей будущей жизни. Она заявила, что у нее все рассчитано и что все должно идти по плану. Разумеется, по ее плану. И дальше, ловко загибая свои пальчики, она объявила, что я должна завтра купить ей мобильный телефон, послезавтра я должна буду ей купить компьютер. Еще ей нужно много конфет, сладостей, «лизунов», и что скоро нам пора будет ехать в Египет. Моя дочь уверенно произнесла свою речь, совершенно ошарашив меня. Я едва сдержала то ли смех, то ли слезы, и единственное, что позволила себе сделать, так это с огромной силой выдернуть из-под нее самую нижнюю подушку. Дочка полетела на пол кувырком. Оказавшись на полу, она растерянно смотрела на меня. В это время я произнесла: «Так вот зачем тебе нужна была мама? А я думала, что мы нужны друг другу, чтобы любить и помогать». Потом я как можно более спокойным голосом сказала, что иду на кухню готовить ужин и прошу ее подумать, зачем ей нужна я, то есть мама.

* * *

- *Мама, а что такое «ежовые рукавицы»?*
- *Это когда строго относятся к человеку и не дают ему делать что-то беззаботное или дурацкое. А где ты услышала такое выражение?*
- *В детдоме.*

* * *

- *Мама, а как понять «держать в черном теле»?*
- *В черном теле? Может быть, это не кормить сладким и вообще заставлять довольствоваться малым, только самым необходимым, не позволять излишеств и не давать стремиться к удовольствиям?*
- *А ты собираешься меня «держать в черном теле»?*
- *Я собираюсь относиться к деньгам и вещам бережно и покупать только то, что нужно. Сладости и фрукты лично мне нужны. И тебе они тоже нравятся. А всякие чупа-чупсы и чипсы мне не нужны, и мне все равно, нравятся они тебе или нет. Их я покупать не намерена! А ты как думаешь, что такое «черное тело»?*
- *Мне девочка одна рассказывала в детском доме, но я забыла.*

* * *

- *Мама, а когда ты меня начнешь бить?*
- *А что, я должна тебя бить?*
- *Нам в детдоме много раз говорили, что если мы будем себя плохо вести, то нас будут бить.*

– *А хорошо себя вести ты не пробовала?*

** * **

– *Нет, мне интересно, как ты меня будешь бить? По лицу? Как моя прошлая мама?*

– *А что – если я не буду тебя бить, то не смогу стать твоей настоящей мамой? Если честно, мне не нравится, что ты всячески стараешься нарваться на грубость. Скажи, я выгляжу как грубая женщина?*

– *Нет, ты у меня очень умная!*

– *Тогда зачем мне тебя бить?*

– *А как же тогда? Я ведь плохо себя веду, да?*

– *Да, иногда ты злобное существо и тебя хочется придушить. Иногда ты слон, топаящий и орущий. Но иногда ты добрая и отзывчивая. А еще ты очень смысленая!*

– *Да, я ужасно топаю!*

– *И еще ты здорово решаешь головоломки!*

Телевизор, враг мой

Откуда я узнала о жестоком обращении с детьми из детского дома? Я знаю о том, что показывают по телевизору, не потому, что я его смотрю. Нет. Лично я телевизор не смотрю вообще. Новости я узнаю в интернете, которому тоже доверяю все меньше и меньше. Однако не проходило и недели, чтобы мне в тревоге не позвонили мои мама или подруга и не рассказали новую жуткую телевизионную историю о том, какой кошмар произошел с очередным детдомовским ребенком. Когда ты лично не погружаешься в проблемы воспитания приемных детей, тебе не кажется, что передач на темы, связанные с детскими домами, много. Но похоже, что эта тема на ТВ укоренилась. И укоренилась уродливо. Потому что в тревоге и беспокойстве нет ничего действительно доброго, ценного и полезного. Если в задачу «людей из телевизора» входит превращение нормальных людей в невротиков, то им это удается слишком хорошо. Но лично мне неприятна сама мысль о том, что «важные» персоны обсуждают людские беды. Не потому, что они в них не разбираются. А потому что они в принципе не собираются в них разбираться. Впрочем, это на их совести. А я как могла, так и снимала тревожное состояние моих близких и родных в эти и без того беспокойные дни. Поверьте, телевизионные страхи слабее реальных во сто крат. Потому что они быстро забываются, как плохой сон. Но реальные страхи остаются и ждут своего часа, чтобы захватить твое сердце.

Телевизор – поглотитель времени. Я очень хорошо понимаю тех родителей, которые облегченно вздыхают после того, когда их дети усаживаются перед телевизором. «Наконец-то, – думает мама, – я по-настоящему отдохну от шума игр, бесконечной возни и вопросов». Какое-то время и я наслаждалась этим. Но телевизор оказался «бесплатным сыром в мышеловке». Потому что моя дочь, как только в ее руки попадал пульт от телевизора, полностью, с головой уходила в него. А включала она телевизор каждую якобы свободную минутку. Например, мы пришли домой. Я переодеваюсь и иду на кухню готовить обед. Через полчаса я зову свою дочку обедать, а от нее ни слуху ни духу. Я иду к ней в комнату, и что же я там вижу? Моя доченька сидит в наполовину снятых штанах и смотрит телевизор, свитер валяется на полу. Она даже не переоделась еще. Я подхожу и прошу дочь переодеться, так как обед готов. Она автоматически отвечает, что обязательно, вот только досмотрит мультики. Я стою

напротив нее, а она просит меня отойти, так как я загораживаю ей экран. Все мои уговоры натываются на плотную стенку отмашек и обещаний. В конце концов мне надоедает быть незадачливым конкурентом мультиков, и я выключаю телевизор, чем вызываю море якобы справедливого гнева. С горем пополам дочь выполняет мою просьбу и начинает переодеваться, идет мыть руки, садится за стол... А в ее глазах и во всем внешнем виде сквозит недовольство мной, тем, что я ее оторвала от любимого дела. Под таким «соусом» из раздражения и злости любой обед будет «неинтересным».

Спустя какое-то время я завела с дочерью разговор о том, что не хочу конкурировать за ее внимание с мультиками и бесконечными сериалами. По телевизору всегда найдется что смотреть. Дочь у меня одна. И я у нее одна. А получается, что между нами стоит пресловутый телевизор! Моя дочь не вникала в проблемы, которые я с ней пыталась обсудить. И в один прекрасный день (поверьте, этот день был прекрасен не только тем, что небо было голубое) я решила выключить телевизор на всю неделю. Я вынула штекер из гнезда на задней панели телевизора и объявила своей дочери, что с сегодняшнего понедельника она не будет иметь возможности включить телевизор. Я заявила, что шнур от телевизора дочка получит в субботу утром. И на все выходные. А утром в следующий понедельник я опять увезу шнур на работу, где теперь он будет «жить» в течение рабочих дней.

Как ни странно, дочь восприняла мои условия спокойно, без истерик. Первая же неделя без телевизора прошла очень душевно. Теперь после завтрака моя дочь спокойно сидела за столом, и мы могли повторить выученное стихотворение, разыграть диалог на английском языке. Потом дочка стала более внимательно собирать в школу свой портфель. В дневнике постепенно становилось меньше записей красными чернилами. Было такое ощущение, что появилось огромное количество времени для творчества и общения. У нас появилась традиция после ужина играть в шашки. Мы с удовольствием собирали полуторатысячные пазлы под песни «Нашего радио». Причем у моей дочери не было даже импульса посмотреть в сторону стоящего рядом телевизора и заныть, что, может, я могла бы дать ей шнур хотя бы на сегодняшний вечер. Я думаю, знание того, что шнуры от наших телевизоров находятся не дома, а на работе, сыграло положительную роль. К тому же дочка смогла быстро успокоиться, убедившись, что в нашей квартире шнуров нет. Она перевернула всю квартиру, но ее поиски не дали результатов. Так что в течение недели мы жили в трудах и творчестве.

Я всячески поощряла усердные рукодельные занятия: накупила бисера, красок, тканей и много милых вещиц для вышивания. Через какое-то время дочь призналась мне, что телевизор занимал ее внимание и похищал время: занятия по флейте и сольфеджио, тренировки по большому теннису не оставляли нам много времени на домашнее творчество. Но такое идиллическое настроение у нас возникло далеко не сразу. И мы очень рады тому, что оно есть у нас сейчас.

*Проснувшись утром,
Дочь примеряет роли.
То змеи-гадюки,
То труженицы-белки.
Еще не доросла до себя!*

Жизнь как чаша, полная слез

Я иногда задумывалась: что означает выражение «жизнь как полная чаша»? Понятно, что люди хотят достатка и благополучия. Представим себе, что это чаша весов. Если одна чаша наполнена, то что в другой? Неблагополучие? Если противоположная чаша – пустая, то чаши

находятся в максимально противоположном положении по отношению друг к другу. Никаких колебаний не происходит.

Моя жизнь в этот период представляла собой постоянное колебание чаш весов. Весы как будто не могли утихомириться, принять какое-то определенное положение, ибо вторая чаша пустой не оставалась. Пусть положение чаш будет разным, но хорошо бы, чтобы оно было стабильным. А стабильным оно не желало становиться ни за что! Это лишало мою жизнь всякого спокойствия.

Домашняя жизнь моей дочери была беспокойной, импульсивной, агрессивной, громкой, с плачем – в общем, очень разной. Таковой становилась и моя жизнь, поскольку малейшие колебания приводили к эмоциональному взрыву. И единственным, что позволяло чаше весов просто непринужденно раскачиваться, было сопереживание дочери, сочувствие ее состоянию в моменты эмоциональных взрывов. К ним нельзя было подготовиться, они всегда были неожиданными. Невозможно было предположить, что совместный просмотр мультфильмов «Бемби», «Спирит» или «Вольт» приведет к безостановочным рыданиям. И я могла только плакать вместе с дочкой, пока все ее слезы не иссякали, а нас не покидали силы. Мы наполняли противоположную чашу слезами. Я могла лишь надеяться, что рано или поздно такое состояние приведет к катарсису.

Молчи, несчастная!

Через некоторое время я стала специально рыдать громче своей дочери. Я выдавала своим громким от природы голосом такие душераздирающие звуки, что моя дочь была в шоке. Я решила так поступить, когда почувствовала, что дочь уже не хочет рыдать, но сама себя не отпускает и как бы цепляется за свое нытье. Тогда я стала намеренно передразнивать ее. Поначалу это приводило ее в бешенство. Но я упорно раз за разом «зеркалила» ее фальшивые завывания, намеренно доводила их до фарса. Я научилась отличать искренний плач от демонстративного. Первому состоянию я сопереживала и всячески пыталась его поддерживать нежностью, пониманием, ласковыми словами. Со вторым боролась актерскими методами, гиперболизируя завывания и стенания, превращая их в жуткий и отвратительный спектакль. Я хотела, чтобы моей дочери самой стало тошно и противно от фальшивых слез.

В результате я научила свою дочь плакать тихонько, почти молча роняя слезы. Я не позволяла дочери во время рыданий заниматься жалением себя и на все стенания о том, как же ей не повезло в жизни и как ее незаслуженно обидели, я тихо говорила: «Молчи, несчастная!». Я не помню точно, из какого фильма я взяла эту фразу, но она действовала на мою дочь. Завывания и стенания достаточно быстро, всего за год, превратились в тихую грусть и печаль, которую мы переживали вместе, как что-то нужное и неизбежное.

*Камень холодит
И успокаивает слезы.
Когда я вырасту,
Из слез уйду в молчание.
И буду греться на песке!*

Великую силу искусства мы благодарим постоянно. Она не только лечит глубокие раны, но и дает возможность душе пережить колебания чаш весов. Колебания без надежды на остановку. Дорогие родители, смотрите вместе с ребенком мультики, фильмы, переживайте вместе, и это будет таким мощным воспитательным процессом, что любая фальшь отстанет от вашего ребенка. А то, что фальшивых плакс полно на белом свете и без детских домов, я знаю определенно.

Возрастной регресс

Маленькое Я

Регресс был ожидаем. Я не знала, как и когда, но понимала, что моя дочь будет регрессировать. Еще бы! Одиннадцатилетняя девочка приезжает в совершенно незнакомый город с незнакомой тетей, которая является единственным проводником в ее новой жизни. Испугается кто угодно.

Самый удобный способ начать осваивать пространство – стать маленькой! Все маленькие детки ничего не знают об окружающем их мире. И они без какого-либо понимания осваивают его – в первую очередь физически, а уже потом – эмоционально и интеллектуально. Поэтому дочка стала лазить по нашей квартире на четвереньках и чувствовала себя при этом комфортно, даже порой радостно, а ходить резко отказалась. Даже на кухне, чтобы сесть за стол, она сначала вползала под него и только потом переползала с пола на кресло.

Проблему возрастного регресса я не считала сложной. И меня не шокировало ползание дочери на четвереньках. Но меня пугало то обстоятельство, что дочка очень часто произносила слово «плохая». Шнурок на кроссовке развязался – «плохая». Мыло убежало из рук – «плохая». Тетрадка не находится – «плохая». Я прошу читать – «плохая». На завтрак манная каша – «плохая». Короче, ничего хорошего! Если что-то не так, если дочурка не может сделать что-то сразу или если она это не любит (а не любит она все, чего не знает и чего никогда не пробовала), – то все это тут же приобретает статус «плохая». Причем независимо от одушевленности и именно в женском роде. На все моя дочь реагировала одним словом, сопровождая его надутыми губами, сдвинутыми бровями и злым взглядом исподлобья. Она уползала под стол, хоть компьютерный, хоть обеденный, или зарывалась в подушки. Рано или поздно переизбыток плохого настроения за счет реакции «плохая» заканчивался слезами и истерикой. И такая ситуация, когда в подростковом теле почти двенадцатилетней девочки жило несоразмерное ее годам детское «Я», сильно меня изводило. По сути, моя доченька была маленькой девочкой с удивительно большим телом.

Я объясняла дочке, что шнурки никакие не «плохие», – это просто шнурки, которые нужны для того, чтобы кроссовки не слетали с ног, когда моя доченька будет в них быстро бегать или ловко прыгать. Я объясняла, что мыло не может быть «плохим», – оно само по себе скользкое, есть даже такая загадка: «Ускользает как живое, но не выпущу его я, дело ясное вполне – пусть отмоет руки мне». Моя дочь внимательно слушала загадки, так как любила их. Еще она очень любила стихи, поэтому с манной кашей я справилась с помощью песенки Вероники Долиной и рассказа Драгунского «Все тайное становится явным» о том, как мальчик выкинул манную кашу в окно и она упала на фуражку милиционеру.

Надо сказать, что мои объяснения принимались только в форме сказок, басенок или рассказов от лица тех предметов, которые моя дочь усердно обзывала «плохими». Я никогда в жизни не придумывала столько историй на тему того, что думают шнурки, тетрадки и кружки о том, как с ними обращается такая замечательная девочка – моя дочь. И уж конечно, мне пришлось стать главным действующим лицом в рассказах о себе самой. Все же творчество – это потрясающий вирус! Если поселится, то надолго! И в это время нам самим было весело и не скучно. Мы гуляли и сочиняли рассказы и стишки, а реакция «плохая» все больше приобретала оттенок равнодушного автоматизма. Брови хмурились реже, губы кривились не так сильно, а тельце переставало прятаться под столом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.